

Будрайскис И.Б.

Я, наверное, единственный представитель социалистического движения вообще в этой аудитории. Я очень коротко хотел сказать о том, чем меня поразила сегодняшняя дискуссия. Она меня потрясла прежде всего огромным количеством спекуляций с общими понятиями, оперированием какими-то дурными аналогиями, связанными с жонглированием понятиями цивилизации, русского духа, национального самосознания, империи, идеологической империи и т.п.

Причем, если говорить о тех подходах, которые звучат и в этой, и в других аудиториях относительно причин распада Советского Союза, то, наверное, сама эта тема представляют собой одно из самых больших полей для исторических спекуляций сегодня. Скажем, упомянутая книга Егора Гайдара о гибели советской империи. На чем она построена? На том, что есть некие закономерности, которые связаны с гибелью всех империй в истории. Предположим, у всех империй есть такое одно общее свойство, что они обладают большими территориями и их населяют народы, говорящие на разных языках.

Давайте на этой основе попробуем вывести определенные закономерности их развития. Сначала этих народов мало, территории большие. Потом народов становится больше, территории не увеличиваются, и империи распадаются. Разумеется, Советский Союз подходит под это определение империи. Он тоже являлся большой страной и в нем жили разные народы.

На мой взгляд, все это совершенно не значит, что мы имеем право на серьезные рассуждения о подобных закономерностях. Мы не имеем право также на рассуждения о какой-то инерции православного духа в отношении этих процессов на советском и постсоветском пространстве.

Можно привести аналогию с Германией, где перевод Лютером на немецкий язык Библии также был своего рода национализацией религии, что впоследствии привело к ожесточению национализации религии с национальной немецкой идеей и породило фашизм. Вот обоснование теории о том, фашизм и коммунизм - близнецы-братья. Коммунизм родился из православия, нацизм родился из лютеранства.

Красивое это объяснение? В принципе да. Сходится все? Да, действительно все сходится. Так ли это было на самом деле? Абсолютно никакого отношения к реальности это не имеет.

Реплика (Ю.Афанасьев). Это Вы выдумали?

Будрайскис И.Б. Я просто показал, как можно продолжить творчески развить эту аналогию. Мне кажется, что искушение подобного продолжения в таком контексте обсуждения существует.

И, наконец, то, что я хотел сказать, кратко. Мне кажется, что вообще в разговоре о наследии Советского Союза, о том, возможен ли разрыв с советским прошлым, необходимо понимать, что та история, которую пережил Советский Союз на протяжении XX века, была результатом абсолютно уникальных исторических условий. Революция 17-го года, которая состоялась в нашей стране, как бы вы к ней ни относились и вообще как бы к ней ни относились сегодня в обществе, была поворотным, ключевым событием не только русской, но и мировой истории. Это событие предопределило во многом и те процессы, которые произошли с нашей страной в конце XX века.

Русская революция не предопределила дальнейшего развития, как здесь говорилось, Советского Союза как реинкарнации Российской империи. С этим абсолютно не согласен. Революция предопределила развитие России в абсолютном тотальном отрицании того наследия, которое было оставлено Российской империей как в политическом, экономическом плане, и в национальной политике. Никто, наверное, не станет отрицать, что те основы, на которых был создан Советский Союз в 22-м году, не имели абсолютно ничего общего с той политикой национального подавления, которая осуществлялась в Российской империи.

Следующий очень важный тезис, который заключается в том, что советское общество на протяжении всего своего существования было обществом, основанным на главном противоречии. Оно заключалось в противоречии между той экономической основой, которая была заложена революцией 17-го года, и политической надстройкой, системой политических институтов, которая в этом обществе существовала.

Речь идет о том, что, несмотря на то, что экономические основы Советского Союза были заложены революцией, осуществленной массами, политическая надстройка Советского Союза была надстройкой недемократической, всегда была надстройкой бюрократической и находилась прямо противоречии с основой советского государства.

Я хотел бы дать очень короткую цитату из одного автора, который, наверное, в советское время являлся самым табуированным политиком и теоретиком предыдущей эпохи. Речь идет о Льве Троцком. Когда Троцкий писал о советской бюрократии, он дал очень важное пояснение своей позиции. «Советская бюрократия, - писал он, - экспроприировала пролетариат политически, чтобы своими методами охранять его социальные завоевания. Но самый факт присвоения ею политической власти в стране, где важнейшие средства производства сосредоточены в руках государства, создает новые, еще небывалые взаимоотношения между бюрократией и богатствами нации. Средства производства принадлежат государству, но государство как бы принадлежит бюрократии. Если бы эти, совсем еще свежие отношения упрочились, вошли в норму, легализовались при сопротивлении или без сопротивления трудящихся, то это, в конце концов, привели бы к полной ликвидации социальных завоеваний революции».

И далее: «Крушение советского режима неминуемо привело бы к крушению планового хозяйства, тем самым к упразднению государственной собственности. Принудительная связь между трестами и заводами внутри трестов распалась бы. Наиболее преуспевающие предприятия поспешили бы выйти на самостоятельную дорогу. Они могли бы превратиться в акционерные компании или найти другую переходную форму собственности, например, с участием рабочих в прибылях». Вспомним модель приватизации...

Здравомыслова О.М. Извините, я Вас должна прервать. Вы нас уже увели немножко в сторону. Вы начали по теме, а увели...

Будрайскис И.Б. Я абсолютно говорю по теме. Я прошу одну минуту для того, чтобы завершить свою мысль. Вопрос поставлен каким образом? Произошел ли разрыв с советским прошлым? Я хотел бы сказать, что разрыв с советским прошлым произошел именно в отношении разрыва с теми социальными завоеваниями, которые существовали в Советском Союзе. Но то, где не произошло никакого «разрыва» с советским прошлым, - это всевластие государственной бюрократии, породившей органически связанный с ней новый класс собственников.

Напоследок я хотел сказать о том, что на меня потрясающее впечатление произвел рассказ господина Бурлацкого, когда он говорил о том, как он сидел с Андроповым и обсуждал с ним вопрос: что сначала «давать народу» – экономические или политические свободы. И вот после этого рассказа аудитория употребляет местоимение «мы»: «мы должны стать определяющей страной на постсоветском пространстве» и т.п.

У меня встает перед глазами эта картина: сидят два человека за чаем и обсуждают: «будем мы мировой империей? Нет, нам сейчас это не подходит, у нас цивилизационный кризис».

Я хочу сказать, что подлинный разрыв с этим сталинистским прошлым возможен только тогда, когда местоимение «мы» будет означать не кампанию солидных друзей, обсуждающих в просторных кабинетах судьбы страны и ее народа, но принципиально иной субъект. Разрыв произойдет тогда, когда трудящиеся, массы станут подлинным участником исторических событий. Спасибо.